

Этническая идентичность и благополучие русских на постсоветском пространстве: роль диаспоры

Н.М. Лебедева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2046-4529>, e-mail: nlebedeva@hse.ru

В статье анализируется роль диаспорной активности как медиатора взаимосвязи этнической идентичности и психологического благополучия у русских Кыргызстана и Эстонии (N=609). Результаты структурного моделирования показали, что выраженность этнической идентичности позитивно связана с вовлеченностью в деятельность русской диаспоры в обеих странах, при этом диаспорная активность русских значимо выше в Кыргызстане, чем в Эстонии. Участие в разных видах диаспорной активности медирует взаимосвязь этнической идентичности и психологического благополучия русских: сохранение коллективной исторической памяти и участие в публичных акциях в Кыргызстане и активность по сохранению русского языка и культуры в Эстонии. Результаты исследования могут послужить основой практических рекомендаций по поддержке русской диаспоры на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: этническая идентичность, диаспорная активность, психологическое благополучие, русские, Кыргызстан, Эстония.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00268.

Для цитаты: Лебедева Н.М. Этническая идентичность и благополучие русских на постсоветском пространстве: роль диаспоры // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 16–24. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170402>

Ethnic Identity and Psychological Well-Being of Russians in Post-Soviet Space: The Role of Diaspora

Nadezhda M. Lebedeva

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2046-4529>, e-mail: nlebedeva@hse.ru

The article analyzes the role of different forms of diaspora activity as a mediator of the relationship between ethnic identity and psychological well-being of Russians in Kyrgyzstan and Estonia (N = 609). The results of structural equation modeling showed that ethnic identity salience is significantly positively associated with the involvement in all types of Russian diaspora activities both in Kyrgyzstan and in Estonia. Russians' participation in all types of diaspora activity is significantly higher in Kyrgyzstan than in Estonia. Participation in different types of diaspora activity mediates the relationship of ethnic identity and psychological well-being: in Kyrgyzstan – participation in public actions and activity aimed at preservation of collective historical memory; in Estonia – activity aimed at maintenance of Russian language and culture. The results can serve as the basis for practical recommendations for supporting the Russian diaspora in the post-Soviet space.

Keywords: ethnic identity, diaspora activity, psychological well-being, Russians, Kyrgyzstan, Estonia.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RCF), project number 20-18-00268.

For citation: Lebedeva N.M. Ethnic Identity and Psychological Well-Being of Russians in Post-Soviet Space: The Role of Diaspora. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 16–24. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170402> (In Russ.).

Введение

В современном мире трудно переоценить роль диаспор. В связи с глобализацией, миграционными процессами число диаспор постоянно увеличивается. Анализ показал, что термин «диаспора» не имеет универсального содержания [5; 8], однако многие авторы выделяют ряд общих характерных черт диаспоры: единство этнического происхождения, наличие стойкой этнической самоидентификации, нахождение в иноэтническом окружении вне ареала расселения своего народа, наличие социальных институтов для обеспечения потребностей диаспоры [8].

Опираясь на эти характеристики, мы можем рассматривать русских, живущих в странах бывшего СССР (около 15,5 миллионов человек [10]), как диаспору.

В начале 90-х гг. попытки самоорганизации русских диаспор на постсоветском пространстве не увенчались успехом. Ситуация стала меняться после того, как Россия озаботилась судьбой соотечественников и официально вынесла вопрос в разряд приоритетных в своей внешней политике [1].

Цели данного исследования:

- определить наиболее популярные виды диаспорной активности русских в странах бывшего СССР (ныне независимых Кыргызстане и Эстонии);
- выявить, какую роль играет диаспорная активность русских во взаимосвязи их этнической идентичности и психологического благополучия. Иными словами, усиливает ли участие в различных акциях диаспоры позитивное самоощущение русских на постсоветском пространстве или, наоборот, снижает.

Социокультурный контекст: сравнительный анализ

Данное исследование проводилось в двух странах бывшего Советского Союза — Кыргызстане и Эстонии. Русские расселились на территории этих стран более 200 лет назад. После распада СССР наблюдалась массовая миграция русских из этих республик. На сегодняшний день русских в Кыргызстане насчитывается 341,4 тыс. человек, или 5,1% [7], в Эстонии — 322,7 тыс., или 24,3% [20].

После распада СССР русские получили гражданство Кыргызстана автоматически. По данным 2011 года, гражданство Эстонии имели около 54% эстонских русских, гражданство России — около 24%, статус негражданина — около 21% [21].

В Кыргызстане два официальных языка — кыргызский и русский [4]. В Эстонии единственный государственный и официальный язык — эстонский [23].

В Кыргызстане в 216 школах обучение ведется только на русском языке, а в 551 школе существует

смешанный язык обучения (кыргызский и русский) [6]. В вузах Кыргызстана на русском языке учатся 70% студентов, а в школах — 30% детей. В Эстонии только в 78 школах обучение ведется на русском языке [18]. С 2007 г. 60% всех предметов в старших классах средней школы преподаются на эстонском языке [19]. Большинство русскоязычных жителей страны предпочитают отдавать своих детей в учебные заведения с эстонским языком обучения. При этом среди русских в Эстонии наблюдается ярко выраженная ориентация на сохранение родного языка и русских культурных традиций [9]. Данное обстоятельство позволяет исследователям говорить о нелинейности процессов интеграции — повышение уровня владения государственным языком, принятие эстонского гражданства и улучшение социо-экономического статуса эстонских русских еще не означает их социальной и идентификационной интеграции в эстонское общество [15].

По мнению экспертов, эффективным механизмом интеграции выступают институты русской диаспоры [2; 13]. В советское время русская диаспора в Кыргызстане, как и в других республиках СССР, не была консолидированной. Однако после распада СССР появились проблемы, решение которых требовало общего участия (сохранение русского языка, культуры). Это привело к появлению первых общественных организаций в Кыргызстане [2], большинство из которых занимались гуманитарными программами и фольклорными мероприятиями.

С середины нулевых многие организации стали строить свою работу в соответствии с ожиданиями диаспоры. Особенности социально-политической ситуации в Кыргызстане (частые смены политических элит) актуализировали желание русских участвовать в политической жизни страны. Образуются правозащитные и молодежные организации, деятельность которых направлена на сохранение исторической памяти, например, участие в общественных акциях «Бессмертный полк» и др. В настоящее время в Кыргызстане официально зарегистрировано более 70 общественных объединений российских соотечественников [13].

В рамках Союза объединений российских соотечественников в Эстонии создано 42 объединения общественной, патриотической, культурной, образовательной и спортивной направленности [12]. Однако вовлеченность представителей русского этнического меньшинства в жизнь диаспоры остается достаточно низкой. Среди факторов, препятствующих объединению русских, эксперты выделяют размытую этническую идентичность русских [24], отсутствие ярких лидеров [22], неоднородность русской общины, длительность проживания в стране и степень интегрированности в эстонское общество [9; 24].

Русская диаспора активно работает в направлении сохранения русского языка и культуры. Проводится большое количество мероприятий, фестивалей и праздников. Также для русских в Эстонии важным является сохранение коллективной памяти о событиях Второй мировой войны. Особенности социокультурного контекста, связанные с тем, что эстонская интерпретация прошлого отрицает позитивный образ русского солдата в качестве героя-освободителя [25], актуализируют потребность русских в сохранении исторического наследия.

Проведенный анализ позволил выделить ряд общих позиций и особенностей каждой из стран. После распада СССР отмечается размытая этническая идентичность русских в обеих странах и слабая консолидация русской общины. Для диаспор обеих стран характерно стремление к сохранению коллективной исторической памяти. При этом особенности социокультурного контекста обуславливают разные потребности русских в двух странах, в реализации которых важную роль может играть диаспора: в Кыргызстане — это участие русских в общественно-политической жизни страны, в Эстонии — сохранение русского языка и культуры.

Теоретические основы исследования

В своем исследовании мы опирались на теорию социальной идентичности, которая рассматривает силу идентификации как важный фактор активности, связанной с членством в группе [29]. Люди, сильнее отождествляющие себя со своей группой, более склонны к просоциальному поведению по отношению к другим членам группы [27].

Опираясь на эти данные, а также учитывая то, что «размытая» этническая идентичность не способствовала объединению русских в общины [24], мы выдвинули нашу первую гипотезу:

Гипотеза 1. Выраженность этнической идентичности представителей русского этнического меньшинства будет позитивно связана с их диаспорной активностью в Кыргызстане и Эстонии.

В ряде исследований было обнаружено, что этническая идентичность положительно связана с самооценкой [16; 30] и удовлетворенностью жизнью [28] среди этнических меньшинств. Однако есть исследования, показывающие, что выраженная этническая идентичность не всегда способствует психологическому благополучию; важную роль в этой взаимосвязи играет социокультурный контекст [17]. В исследованиях, проведенных в Эстонии, была выявлена отрицательная взаимосвязь между этнической иден-

тичностью и удовлетворенностью жизнью русских [25]. Опираясь на эти данные, мы сфокусировались на компоненте психологического благополучия, наиболее связанном с этнической идентичностью, — самоуважением, — и выдвинули нашу вторую гипотезу.

Гипотеза 2. Выраженность этнической идентичности представителей русского этнического меньшинства положительно взаимосвязана с их самоуважением в Кыргызстане и Эстонии.

Исследования показывают, что вовлеченность в деятельность диаспоры способствует сохранению позитивной этнической идентичности, что может смягчать негативные последствия воспринимаемой дискриминации, повышая психологическое благополучие [26].

Учитывая анализ социокультурного контекста, мы предположили, что в этих двух республиках чаще будут проявляться разные виды диаспорной активности: в Эстонии русским будет более свойственно объединяться для защиты своего языка и культуры, в Кыргызстане для русских более важным будет участие в политических и общественных акциях. В обеих странах важным для русских будет участие в движениях по сохранению коллективной исторической памяти, так как трактовка событий XX века часто различается у представителей большинства и меньшинства в данных странах.

Исходя из этого, мы сформулировали нашу третью гипотезу:

Гипотеза 3. Разные виды диаспорной активности в Кыргызстане и Эстонии будут позитивно взаимосвязаны с психологическим благополучием представителей русского этнического меньшинства.

Учитывая сложную связь между этнической идентичностью и психологическим благополучием русских, а также особенности социокультурного контекста исследуемых стран, мы сформулировали наш исследовательский вопрос.

Могут ли разные формы диаспорной активности влиять на эту связь?

Выборка исследования

В социально-психологическом опросе приняли участие 300 русских респондентов из Кыргызстана и 309 русских респондентов из Эстонии (табл. 1).

Процедура исследования

В опросе использовалась удобная выборка, мы применяли метод «снежного кома». В распространении опросника в Кыргызстане помогли исследовате-

Таблица 1

Гендерные и возрастные характеристики выборки

Респонденты	N	Пол		Возраст			
		Мужской	Женский	Min.	Max.	M	SD
Русские Кыргызстана	300	35,2%	64,8%	17	65	35,56	17,40
Русские Эстонии	309	47,9%	52,1%	18	75	37,46	16,56

ли из Кыргызско-Российского Славянского университета, в Эстонии — исследователи из Таллинского университета. Участие в исследовании было добровольным, анонимность гарантировалась.

Инструментарий

Этническая идентичность [3]. Шкала включала в себя 4 утверждения, например: «Я горд быть русским».

Диаспорная активность. Шкала включала 4 субшкалы, измеряющих разные направления деятельности диаспоры:

«сохранение русского языка и культуры» (например: «Я читаю местную русскоязычную прессу»);

«участие в жизни Православной общины» (например: «Я посещаю службы в Русской православной церкви»);

«сохранение коллективной памяти» (например: «Я отмечаю памятные даты истории России вместе с другими членами общины»);

«участие в публичных акциях» (например: «Вместе с другими членами общины я участвую в публичных акциях»).

Самоуважение. Мы использовали шкалу из 4 утверждений (например: «В целом, я удовлетворен собой» [3]).

Удовлетворенность жизнью. Была использована шкала, включающая 4 утверждения (например: «В целом, я удовлетворен своей жизнью») [3].

Респонденты давали свои ответы по 5-балльной шкале Ликерта от 1 — «Полностью не согласен», до 5 — «Полностью согласен».

Математико-статистический анализ проводился с помощью статистического пакета SPSS 27.0 с использованием дополнительного модуля PROCESS и программы AMOS.

Результаты

В табл. 2 представлены средние значения всех исследуемых переменных. Сравнительный анализ с использованием MANOVA, где страна являлась

независимой переменной, а выраженность этнической идентичности, уровень диаспорной активности и психологическое благополучие — зависимыми переменными, показал значимый эффект: Wilks's $\Lambda=0,777$; $F(7, 599)=24,517$; $p=0,000$; $\eta^2=0,223$.

Результаты показали, что почти все переменные были значимо выше у русских в Кыргызстане, чем в Эстонии, за исключением уровня удовлетворенности жизнью.

Для тестирования гипотез мы использовали моделирование структурными уравнениями. Проведенный нами мультигрупповой анализ взаимосвязи между этнической идентичностью, диаспорной активностью и психологическим благополучием русских в двух странах показал отсутствие структурной инвариантности (полученные нами показатели ($\Delta CFI=0,04$; $\Delta RMSEA=0,08$) были выше, чем рекомендуемые ($\Delta CFI < 0,01$; $\Delta RMSEA < 0,01$)). Исходя из этого, мы проанализировали данные взаимосвязи в каждой из стран по отдельности. Модель (рис. 1) продемонстрировала хорошие показатели пригодности: Кыргызстан: $\chi^2/df = 0,05$; $CFI=1,00$; $SRMR=0,002$; $RMSEA=0,01$ $PCLOSE=0,88$; Эстония: $\chi^2 / df = 0,24$; $CFI = 1,00$; $SRMR = 0,005$; $RMSEA = 0,00$; $PCLOSE = 0,74$.

Согласно результатам, выраженность этнической идентичности значимо положительно связана с вовлеченностью во все виды деятельности русской диаспоры в обеих странах, что подтверждает нашу первую гипотезу.

Далее мы проанализировали взаимосвязь между этнической идентичностью и самоуважением русских в Кыргызстане и Эстонии, которая оказалась положительной, но статистически не значимой. Наша вторая гипотеза не подтвердилась.

Для тестирования третьей гипотезы мы проанализировали взаимосвязь между участием в разных видах диаспорной активности и психологическим благополучием у русских в Кыргызстане и Эстонии. Вовлеченность в деятельность по сохранению коллективной исторической памяти, а также участие в публичных акциях были значимо положительно связаны с самоуважением у русских Кыргызстана. При этом взаимосвязи участия в жизни Православной

Таблица 2

Сравнение выраженности этнической идентичности, видов диаспорной активности и психологического благополучия у представителей русского этнического меньшинства в Кыргызстане и Эстонии

№	Переменные	Кыргызстан			Эстония			F (3,601)	Partial η^2
		M	SD	α	M	SD	α		
1	Этническая идентичность	4,30	0,77	0,70	4,01	1,01	0,91	17,31	0,03***
Виды диаспорной активности									
2	Сохранение русского языка и культуры	3,93	0,85	0,83	3,49	1,01	0,85	33,41	0,05***
3	Участие в жизни Православной общины	2,73	1,19	0,85	2,23	1,16	0,89	30,78	0,05***
4	Сохранение коллективной памяти	3,87	0,96	0,79	2,90	1,21	0,87	124,91	0,17***
5	Участие в публичных акциях	3,60	1,04	0,75	2,65	1,21	0,83	108,07	0,15***
Психологическое благополучие									
6	Самоуважение	4,31	0,57	0,68	4,08	0,58	0,81	25,35	0,04***
7	Удовлетворенность жизнью	3,35	0,80	0,74	3,34	0,81	0,80	0,027	0,000

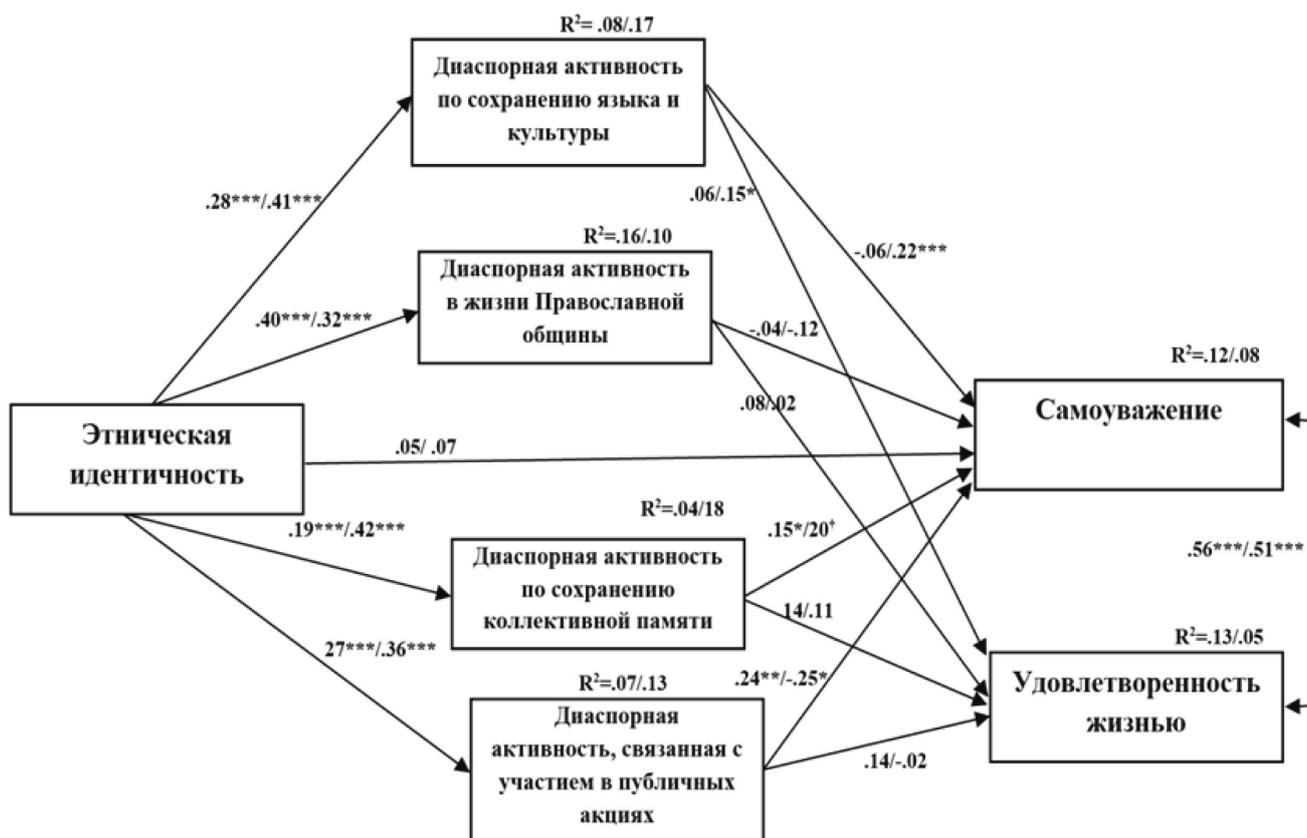

Рис. 1. Путевая модель взаимосвязи этнической идентичности, диаспорной активности и психологического благополучия у представителей русского этнического меньшинства в Кыргызстане/Эстонии: $\dagger$ – $p = 0,06$; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$

общины и активности по сохранению родного языка и культуры с психологическим благополучием у русских Кыргызстана были незначимы.

В Эстонии, напротив, наблюдалась значимая положительная взаимосвязь диаспорной активности по сохранению русского языка и культуры с показателями психологического благополучия (самоуважением и удовлетворенностью жизнью) и значимая отрицательная взаимосвязь между участием в публичных акциях и самоуважением. Кроме того, на уровне статистической тенденции ($p = ,061$) была выявлена положительная взаимосвязь участия в деятельности общины по сохранению коллективной памяти с самоуважением. Взаимосвязь между вовлеченностью в жизнь Православной общины и психологическим благополучием в Эстонии, как и в Кыргызстане, была незначимой. Данные результаты частично подтвердили нашу третью гипотезу.

Для ответа на наш исследовательский вопрос был проведен медиационный анализ. Полученные результаты показали, что среди русских Кыргызстана имеется значимый позитивный непрямой эффект этнической идентичности на самоуважение через диаспорную активность, направленную на сохранение коллективной памяти ($\beta = 0,03$; $p < 0,05$; 95% CI: [0,0001; 0,06]), а также вовлеченность в публичные акции диаспоры ($\beta = 0,04$; $p < 0,05$; 95% CI: [0,002; 0,08]).

В Эстонии обнаружены значимые позитивные не-прямые эффекты этнической идентичности на само-

уважение ($\beta = 0,09$; 95% CI: [0,03; 0,16]) и удовлетворенность жизнью ($\beta = 0,06$; 95% CI: [0,009; 0,12]) через диаспорную активность, направленную на сохранение русского языка и культуры. Примечательно, что прямые эффекты выраженности этнической идентичности на самоуважение и удовлетворенность жизнью, не опосредованные диаспорной активностью, были незначимыми в обеих странах.

Обсуждение результатов

Результаты нашего исследования подтвердили первую гипотезу о положительной взаимосвязи этнической идентичности русских Эстонии и Кыргызстана с их вовлеченностью в деятельность диаспоры. Данные результаты согласуются с результатами предыдущих исследований, свидетельствующими о положительной взаимосвязи этнической идентичности и активного участия в жизни общины [14].

Наша вторая гипотеза о прямой взаимосвязи этнической идентичности с самоуважением не подтвердилась. Полученные результаты расходятся с данными исследований на выборках китайских мигрантов в Канаде [16] и латиноамериканцев в США [39]. Наши результаты могут быть связаны с тем, что и у русских в Эстонии, и у русских в Кыргызстане исследователи отмечают размытую этническую идентичность [11; 24]. Это может быть связано с особенностями

контекста. В исследовании русских в Эстонии [25] отмечалось, что социально-политический контекст, способствующий ассимиляции русских, обуславливает отрицательную взаимосвязь этнической идентичности и психологического благополучия.

Третья гипотеза о позитивной взаимосвязи между вовлеченностью в разные виды диаспорной активности и психологическим благополучием русских в Кыргызстане и Эстонии подтвердилась частично. В Кыргызстане была выявлена положительная взаимосвязь диаспорной активности по сохранению коллективной исторической памяти и участия в публичных акциях с самоуважением русских.

Диаспорная активность, связанная с сохранением русского языка и культуры, в Кыргызстане не имела значимой связи с психологическим благополучием. Возможно, это связано с тем, что русский язык имеет высокий статус в стране, являясь, согласно Конституции, официальным языком, активно используется в образовании [4] и в повседневной жизни. Также не выявлено значимой взаимосвязи между диаспорной активностью в жизни Православной общины и психологическим благополучием русских в Кыргызстане.

В Эстонии была выявлена положительная взаимосвязь диаспорной активности, направленной на сохранение русского языка и культуры, с самоуважением и удовлетворенностью жизнью. Эти результаты согласуются с предыдущими исследованиями, свидетельствующими о ярко выраженной ориентации русских Эстонии на сохранение родного языка и культуры [15]. Многие представители русской диаспоры воспринимают этническую политику эстонских властей как ассимиляционную, что способствует формированию так называемой реактивной идентичности, усиливающей этническую компоненту [25]. Отсюда сохранение родного языка и культуры имеет исключительно важное значение для психологического благополучия эстонских русских.

На уровне тенденции в Эстонии была обнаружена взаимосвязь между самоуважением и диаспорной активностью, направленной на сохранение коллективной исторической памяти. Результаты предыдущих исследований показывают, что историческая память о Великой Отечественной войне играет важнейшую роль в национальном самосознании русских [25]. День победы отмечают 70% представителей нетитульного населения Эстонии, еще 30% считают его важным праздником, хотя и не отмечают лично [31]. Таким образом, вовлеченность в диаспорную активность, направленную на сохранение памяти о подвиге советских воинов, способствует самоуважению русских.

Взаимосвязь между психологическим благополучием русских и участием в жизни Православной общины в Эстонии также была незначимой. Кроме того, в Эстонии была выявлена отрицательная взаимосвязь между вовлеченностью в публичные акции и самоуважением. Можно предположить, что активное участие в общественной деятельности диаспоры предполагает вовлеченность в российское информационное поле, с характерными для него нарративами о дискриминации русских в Эстонии, из-за чего активные участни-

ки общественных организаций испытывают чувство депривации, «второсортности» и ограничения возможностей, что оказывает негативное влияние на их психологическое благополучие [22].

Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии прямой взаимосвязи между выраженностью этнической идентичности и психологическим благополучием русских жителей Эстонии. В то же время они указывают на наличие непрямого положительного эффекта этнической идентичности на удовлетворенность жизнью и самоуважение русских через их участие в диаспорной активности, направленной на сохранение родного языка и культуры. Данные результаты согласуются с предыдущими исследованиями, показывающими, что самой по себе ярко выраженной этнической идентичности порой оказывается недостаточно для того, чтобы компенсировать влияние воспринимаемой дискриминации на показатели психологического благополучия. Так, например, у эстонских русских степень выраженности этнической идентичности отрицательно связана с удовлетворенностью жизнью, что может быть объяснено особенностями социо-политического контекста, способствующего ассимиляции: представители русской диаспоры с выраженной этнической идентичностью более склонны воспринимать окружающую их действительность как несправедливую, дискриминирующую, что негативно сказывается на их удовлетворенности жизнью [25]. Возможно, участие в деятельности диаспоры, направленной на сохранение русского языка и культуры, позволяет смягчить негативное влияние воспринимаемой дискриминации, повышая уверенность в собственных силах и направляя сопротивление ассимиляционному давлению со стороны эстонского государства в более конструктивное русло.

Заключение

Проведенное нами кросс-страновое исследование взаимосвязи этнической идентичности и психологического благополучия у русских на постсоветском пространстве, а также роли диаспорной активности в этой взаимосвязи позволило нам прийти к следующим выводам.

- Выраженность этнической идентичности значимо положительно связана с вовлеченностью во все виды деятельности русской диаспоры и в Кыргызстане, и в Эстонии.
- Не существует значимой прямой взаимосвязи выраженности этнической идентичности и самоуважения у русских, как в Кыргызстане, так и в Эстонии.
- Участие русских во всех видах диаспорной активности значимо выше в Кыргызстане, чем в Эстонии.
- Участие в разных видах диаспорной активности позитивно опосредует взаимосвязь этнической идентичности и психологического благополучия: в Кыргызстане — сохранение коллективной исторической памяти и участие в публичных акциях; в Эстонии — активность по сохранению русского языка и

культуры и сохранение коллективной исторической памяти (на уровне тенденции).

Согласно результатам исследования, диаспорная активность помогает русским в их позитивном самоощущении, а усилия по сбережению языка и культуры, сохранению коллективной исторической памяти укрепляют взаимосвязь этнической самоидентификации с психологическим благополучием — т. е. ощущение себя русским связано не только с болью и унижением, а с самоуважением и гордостью за достижения своего народа.

Это одно из немногих социально-психологических исследований, вскрывающих роль диаспорной

активности в жизни, процессах этнической идентификации и психологическом благополучии русских, живущих в постсоветских странах. Оно показывает, что для нормальной, достойной жизни этнических меньшинств, сохранения ими родного языка, культуры, коллективных представлений об исторических событиях необходимы институты диаспоры, ее акции, а также поддержка со стороны «большой» родины, ненавязчивая, деликатная, учитывающая интересы русских за рубежом и вместе с тем реальная и действенная. Научные исследования этой проблемы могут послужить надежной основой для решений в этой сфере.

Литература

1. Всемирный конгресс соотечественников, проживающих за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <https://vksrs.com/vsemirnyy-kongress/kongress/> (дата обращения: 27.03.2021).
2. Епифанцев С.В. Общественные организации русских на территории Кыргызской Республики: условия функционирования, описание и сравнительный анализ // Вестник КРСУ. 2011. Том 11. № 6. С. 68–74.
3. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России. М.: РУДН, 2009. 420 с.
4. Летняков Д.Э. Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии [Электронный ресурс] // Политика. 2015. Том 4. № 79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-russkogo-yazyka-v-postsovetskoy-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 02.02.2021).
5. Милитарев А. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. Том 1. С. 24.
6. Молодов О. Русский язык как инструмент использования «мягкой силы» в странах Центральной Азии // Дискурс Пи. 2017. Том 14. № 1. С. 93–100.
7. Национальный состав населения [Электронный ресурс]. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/> (дата обращения: 21.06.2021).
8. Попков В.А. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. 2002. № 1. С. 6–22.
9. Русская диаспора Эстонии: состояние и перспективы. Итоговый аналитический доклад. М., 2011. 39 с.
10. Сколько русских в мире [Электронный ресурс]. URL: <https://mnogofactov.ru/v-mire/skolko-russkikh-v-mire-na-2016-god.html> (дата обращения: 20.03.2021).
11. Скринник В. Россия и зарубежные соотечественники. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2008. 432 с.
12. Список организаций Союза объединений российских соотечественников Эстонии СОПСЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://rusest.ee/spisok-organizatsij-soyuza-obedineni/> (дата обращения: 11.03.2021).
13. Штилов А. В. Организации российских соотечественников в Кыргызстане (региональный аспект) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2017. № 9. С. 33–36.
14. Bilewicz M., Wojcik A. Does identification predict community involvement? Exploring consequences of social identification among the Jewish minority in Poland // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2010. Vol. 20(1). P. 72–79. DOI:10.1002/casp.1012

References

1. Vsemirnyi congress sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom [World Congress of Compatriots Living Abroad]. Available at: <https://vksrs.com/vsemirnyy-kongress/kongress/> (Accessed 27.03.2021). (In Russ.).
2. Epifantsev S.V. Obshchestvennye organizatsii russkikh na territorii Kyrgyzskoi Respubliki: usloviya funktsionirovaniya, opisanie i sravnitel'nyi analiz [Public organizations of Russians on the territory of the Kyrgyz Republic: conditions of functioning, description and comparative analysis]. *Vestnik KRSU*, 2011. Vol. 11, no. 6, pp. 68–74. (In Russ.).
3. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i primimayushchego naseleniya Rossii [Strategies for intercultural interaction between migrants and the host population of Russia]. Moscow: Publ. RUDN, 2009. 420 p. (In Russ.).
4. Letnyakov D.E. Rol' russkogoyazyka v postsovetskoy Tsentral'noy Azii [The role of the Russian language in post-Soviet Central Asia]. *Politiya*, 2015. Vol. 4, no. 79. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-russkogo-yazyka-v-postsovetskoy-tsentralnoy-azii> (Accessed 02.02.2021). (In Russ.).
5. Militarev A. O sodержanii termina «diaspora» (k razrabotkedefinitsii) [About the content of the term “diaspora” (to the development of the definition)]. *Diaspory [Diasporas]*, 1999. Vol. 1, p. 24. (In Russ.).
6. Molodov O. Russkii yazyk kak instrument ispol'zovaniya «myagkoi sily» v stranakh Tsentral'noi Azii [Russian language as a tool for the use of “soft power” in the countries of Central Asia]. *DiskursPi [DiscoursePi]*, 2017. Vol. 14, no.1, pp. 93–100. (In Russ.).
7. Natsional'nyi sostav naseleniya. Natsional'nyi statisticheskii komitet Kyrgyzskoi Respubliki [National composition of the population. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic]. Available at: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/> (Accessed: 21.06.2021). (In Russ.).
8. Popkov V.A. «Klassicheskie» diaspory: k voprosu o definitsii termina [“Classical” diasporas: on the question of the definition of the term]. *Diaspory [Diasporas]*, 2002. Vol. 1, pp. 6–22. (In Russ.).
9. Russkaya diaspora Estonii: sostoyanie i perspektivy. Itogovyi analiticheskii doklad [Russian diaspora in Estonia: state and prospects. Final analytical report]. Moscow, 2011, 39 p. (In Russ.).
10. Skol'korusskikh v mire [How many Russians are there in the world]. Available at: <https://mnogofactov.ru/v-mire/skolko-russkikh-v-mire-na-2016-god.html> (Accessed 20.03.2021).

15. Cheskin A. Identity and Integration of Russian Speakers in the Baltic States: A Framework for Analysis // *Ethnopolitics*. 2015. Vol. 14 (1). P. 72–93. DOI:10.1080/17449057.2014.933051
16. Costigan C.L., Koryzma C.M., Hua J.M., Chance L.J. Ethnic Identity, Achievement, and Psychological Adjustment: Examining Risk and Resilience Among Youth From Immigrant Chinese Families in Canada // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2010. Vol. 16(2). P. 264–273. DOI:10.1037/a0017275
17. Dimitrova R., Vijver F.J.R. van de, Taušová J., Chasiotis A., Bender M., Buzea C., Uka F., Tair E. Ethnic, Familial, and Religious Identity of Roma Adolescents in Bulgaria, Czech Republic, Kosovo, and Romania in Relation to Their Level of Well-Being // *Child Development*. 2017. Vol. 88(3). P. 693–709. DOI:10.1111/cdev.12786
18. Eesti Hariduse Infosüsteem. Koolid [Электронный ресурс]. URL: <https://enda.ehis.ee/avalik/avalik/oppeasutus/OppeasutusOtsi.faces;jsessionid=c0a8c8ca30d8d51b95600edc4dcfa3cdef6a5ce8e4ce.e3ySaN8Ob38Le3mSchaOcheRbO> (дата обращения: 23.04.2021).
19. Eesti ühiskonna integratsiooni monitooring 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ibs.ee/wp-content/uploads/EIM2017.pdf> (дата обращения: 18.04.2021).
20. Estonian Statistical Office. RI0424: Rahvastik kodakondsuse, rahvuse, soo, vanuserühma ja maakonna järgi, 31. Detsember 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://andmed.stat.ee/et/stat/rahvaloendus__rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__kodakondsus/RL0424 (дата обращения: 27.04.2021).
21. Estonian Statistical Office. RV0222U: Population by sex, ethnic nationality and county, 1 January, administrative division as at 01.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?DataSetCode=RV0222U> (дата обращения: 16.06.2021).
22. Kallas K. Claiming the diaspora: Russia's compatriot policy and its reception by Estonian-Russian population // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2016. Vol. 15(3). P. 1.
23. Keeleseadus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13122536> (дата обращения: 18.03.2021).
24. Kolstø P. Beyond Russia, becoming local: Trajectories of adaption to the fall of the Soviet Union among ethnic Russians in the former Soviet Republics // *Journal of Eurasian Studies*. 2011. Vol. 2 (2). P. 153–163. DOI:10.1016/j.euras.2011.03.006
25. Kus L., Ward C., Liu J. Interethnic Factors as Predictors of the Subjective Well-Being of Minority Individuals in a Context of Recent Societal Changes // *Political Psychology*. 2014. Vol. 35 (5). P. 703–719. DOI:10.1111/pops.12038
26. Martinez Damia S., Marzana D., Alfieri S., Pozzi M., Marta E., Martinez M.L. Psychological and Structural Barriers to Immigrant Community Participation: The Experience of Peruvians in Santiago de Chile // *American Journal of Community Psychology*. 2020. P. 1–14. DOI: 10.1002/ajcp.12472
27. Simon B., Stürmer S., Steffens K. Helping Individuals or Group Members? The Role of Individual and Collective Identification in AIDS Volunteerism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. Vol. 26(4). P. 497–506. DOI:10.1177/0146167200266008
28. Smith T.B., Silka L. Ethnic identity and personal well-being of people of color: A meta-analysis // *Journal of Counseling Psychology*. 2011. Vol. 58(1). P. 42–60. DOI:10.1037/a0021528
11. Skrinnik V. Rossiya i zarubezhnye sootchestvenniki [Russia and foreign compatriots]. Bishkek: Publ. KRSU, 2008. 432 p. (In Russ.).
12. Spisok organizatsii Soyuzo ob"edinenii rossiiskikh sootchestvennikov Estonii SORSE [List of organizations of the Union of Associations of Russian Compatriots of Estonia SORSE]. Available at: <http://rusest.ee/spisok-organizatsij-soyuzo-obedineni/> (Accessed 11.03.2021). (In Russ.).
13. Shipilov A.V. Organizatsii rossiiskikh sootchestvennikov v Kyrgyzstane (regional'nyiaspekt) [Organizations of Russian compatriots in Kyrgyzstan (regional aspect)]. *Sovremennay nauka: aktual'nye problem teorii i praktiki. Seriya: gumanitarnye nauki* [Modern science: topical problems of theory and practice. Series: Humanities], 2017, no. 9, pp. 33–36. (In Russ.).
14. Bilewicz M., Wojcik A. Does identification predict community involvement? Exploring consequences of social identification among the Jewish minority in Poland. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2010. Vol. 20 (1), pp. 72–79. DOI:10.1002/casp.1012
15. Cheskin A. Identity and Integration of Russian Speakers in the Baltic States: A Framework for Analysis. *Ethnopolitics*, 2015. Vol. 14 (1), pp. 72–93. DOI:10.1080/17449057.2014.933051
16. Costigan C.L., Koryzma C.M., Hua J.M., Chance L.J. Ethnic Identity, Achievement, and Psychological Adjustment: Examining Risk and Resilience Among Youth From Immigrant Chinese Families in Canada. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 2010. Vol. 16 (2), pp. 264–273. DOI:10.1037/a001727
17. Dimitrova R., Vijver F. J. R. van de, Taušová J., Chasiotis A., Bender M., Buzea C., Uka F., Tair E. Ethnic, Familial, and Religious Identity of Roma Adolescents in Bulgaria, Czech Republic, Kosovo, and Romania in Relation to Their Level of Well-Being. *Child Development*, 2017. Vol. 88 (3), pp. 693–709. DOI:10.1111/cdev.12786
18. Eesti Hariduse Infosüsteem. Koolid. Available at: <https://enda.ehis.ee/avalik/avalik/oppeasutus/OppeasutusOtsi.faces;jsessionid=c0a8c8ca30d8d51b95600edc4dcfa3cdef6a5ce8e4ce.e3ySaN8Ob38Le3mSchaOcheRbO> (Accessed 23.04.2021).
19. Eesti ühiskonna integratsiooni monitooring 2017. Available at: <https://www.ibs.ee/wp-content/uploads/EIM2017.pdf> (Accessed 18.04.2021).
20. Estonian Statistical Office. RI0424: Rahvastik kodakondsuse, rahvuse, soo, vanuserühma ja maakonna järgi, 31. Detsember 2011. Estonian Statistical Office. Available at: https://andmed.stat.ee/et/stat/rahvaloendus__rel2011__rahvastiku-demograafilised-ja-etno-kultuurilised-naitajad__kodakondsus/RL0424 (Accessed 27.04.2021).
21. Estonian Statistical Office. RV0222U: Population by sex, ethnic nationality and county, 1 January, administrative division as at 01.01.2018. Estonian Statistical Office. Available at: <http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?DataSetCode=RV0222U> (Accessed 16.06.2021).
22. Kallas K. Claiming the diaspora: Russia's compatriot policy and its reception by Estonian-Russian population. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 2016. Vol. 15 (3), p. 1.
23. Keeleseadus. Available at: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13122536> (Accessed 18.03.2021).
24. Kolstø P. Beyond Russia, becoming local: Trajectories of adaption to the fall of the Soviet Union among ethnic Russians in the former Soviet Republics. *Journal of Eurasian Studies*, 2011. Vol. 2 (2), pp. 153–163. DOI:10.1016/j.euras.2011.03.006
25. Kus L., Ward C., Liu J. Interethnic Factors as Predictors of the Subjective Well-Being of Minority Individuals in a

29. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // *Psychology of Intergroup Relation* / S. Worchel, W.G. Austin (eds.), Chicago: Hall Publishers, 1986. P. 7–24.
30. Umaña-Taylor A.J., Diversi M., Fine M.A. Ethnic Identity and Self-Esteem of Latino Adolescents: Distinctions Among The Latino Populations // *Journal of Adolescent Research*. 2002. Vol. 17(3). P. 303–327. DOI:10.1177/0743558402173005
31. Vihalemm T. Keelepraktikad, kollektiivne identiteet ja mälu // Eesti ühiskonna integratsiooni monitooring 2011. Kultuuriministeerium, 2011. P. 113–156.
- Context of Recent Societal Changes. *Political Psychology*. 2014. Vol. 35 (5), pp. 703–719. DOI:10.1111/pops.12038
26. Martinez Damia S., Marzana D., Alfieri S., Pozzi M., Marta E., Martinez M. L. Psychological and Structural Barriers to Immigrant Community Participation: The Experience of Peruvians in Santiago de Chile. *American Journal of Community Psychology*, 2020, p. 1–14. DOI: 10.1002/ajcp.12472
27. Simon B., Stürmer S., Steffens K. Helping Individuals or Group Members? The Role of Individual and Collective Identification in AIDS Volunteerism. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2000. Vol. 26 (4), pp. 497–506. DOI:10.1177/0146167200266008
28. Smith T. B., Silva L. Ethnic identity and personal well-being of people of color: A meta-analysis. *Journal of Counseling Psychology*, 2011. Vol. 58 (1), pp. 42–60. DOI:10.1037/a0021528
29. Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In S. Worchel, W. G. Austin (eds.) *Psychology of Intergroup Relation*. Chicago: Hall Publishers, 1986. pp. 7–24.
30. Umaña-Taylor A. J., Diversi M., Fine M.A. Ethnic Identity and Self-Esteem of Latino Adolescents: Distinctions Among The Latino Populations. *Journal of Adolescent Research*, 2002. Vol. 17 (3), pp. 303–327. DOI:10.1177/0743558402173005
31. Vihalemm T. Keelepraktikad, kollektiivne identiteet ja mälu. In: Eesti ühiskonna integratsiooni monitooring 2011. Kultuuriministeerium, 2011, pp. 113–156.

Информация об авторах

Лебедева Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук, директор Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2046-4529>, e-mail: nlebedeva@hse.ru

Information about the authors

Nadezhda M. Lebedeva, Doctor of Psychology, Head of the Centre for Sociocultural Research, Professor, Faculty of Social Science, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2046-4529>, e-mail: nlebedeva@hse.ru

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021